

Чаще всего такие работы суммируют межкультурные данные относительно отдельных аспектов или способов социализации и ухода за детьми; например, какую роль в уходе за младшими сиблингами играют старшие дети<sup>16</sup> или как выглядят взаимоотношения детей и подростков в сравнительно-психологической перспективе<sup>17</sup>. Однако нужны и более широкие, комплексные исследования мира детства в масштабе одного или нескольких этносов, включающие в себя системное описание: 1) символических представлений о жизненном пути и его этапах (возрастные категории в языке, принципы выделения тех или иных возрастных степеней, их продолжительность и т. п.); 2) взаимодействия основных институтов социализации (семьи, общества сверстников, специализированных институтов социализации, например школы, функционирующих на уровне общины или общества в целом, и неспециализированных форм социализации, например включения детей в общественно-трудовую деятельность взрослых); 3) способов воспитания и ухода за детьми в семье; 4) процессов и структуры возрастной стратификации; 5) форм и методов трудового воспитания; 6) половой социализации, усвоения системы половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности и фемининности; 7) структуры и динамики межпоколенных отношений и способов трансмиссии культуры; 8) взаимодействия традиционных и современных способов социализации и их модификации у разных социальных слоев и групп.

Разумеется, попытка такого целостного описания сразу же наталкивается на лакуны в источниках. Однако это — лишь стимул для новых полевых исследований. Кроме того, этнографы работают не одни. Сравнительные исследования процессов социализации в современных обществах осуществляются также социологами и социальными психологами<sup>18</sup>. Очень важна в этом плане и возникшая в последние годы наряду с исторической демографией новая, междисциплинарная по своему духу и методам, история детства<sup>19</sup>.

Советская этнография также начала заниматься этими проблемами. Ю. В. Бромлей справедливо считает раскрытие этнической стороны происходящих в семье процессов социализации личности одной из насущных задач дальнейшего этнографического изучения современной семьи<sup>20</sup>. В этом плане уже немало сделано<sup>21</sup>. Однако современные процессы социализации нельзя понять без основательного сравнительно-исторического изучения традиционных форм семьи, быта и этнопедагогики, исследования динамики семейных и внесемейных процессов социализации и т. д. Необходимое условие такой работы — тесная координация усилий этнографов, социологов, демографов, психологов и историков.

<sup>16</sup> См., например: *T. S. Weisner and R. Gallimore. My brother's keeper: child and sibling caretaking.* — «Current anthropology», v. 18, № 2. June, 1977.

<sup>17</sup> *M. J. Konner. Relations among infants and juveniles in comparative perspective.* — «Social science information», 1976, v. XV, № 2/3.

<sup>18</sup> См., например: *У. Бронфенбреннер. Два мира детства. Дети в США и СССР.* М., 1976; *D. B. Kandel, G. S. Lesser. Youth in two worlds. United States and Denmark.* San Francisco, 1972; *W. H. Holtzman, R. Diaz-Guerrero, J. D. Swartz. Personality development in two cultures. A cross-cultural longitudinal study of school children in Mexico and the United States.* Austin and London, 1975.

<sup>19</sup> См., например: *L. de Mause (ed.). The history of childhood.* N. Y., 1974.

<sup>20</sup> *Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности.* — «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 16.

<sup>21</sup> См., например: «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975, гл. X.

## ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Карпатский сборник. М., 1976, 152 стр.

В 1976 г. вышел в свет второй «Карпатский сборник», подготовленный Институтом этнографии АН СССР<sup>1</sup>. И первый и второй выпуски этого издания являются по существу началом специальной серии исследований, которая в свою очередь составляет

<sup>1</sup> Первый выпуск «Карпатского сборника» вышел в свет в 1972 г.

часть большого издания трудов Международной комиссии по изучению культуры населения Карпат и прилегающих к ним областей (МККК) — «Ethnographia Carpatica».

Второй выпуск «Карпатского сборника» не только продолжает и развивает проблемы, поставленные в первом выпуске, но и ставит новые. В него включены как локальные исследования, так и большие теоретические статьи. Ряд публикаций подготовлен на основе докладов советских и зарубежных (ВНР, ГДР, ЧССР) участников конференции «Культура и быт населения украинских Карпат», состоявшейся в Ужгороде в октябре 1972 г.

Структура сборника могла бы быть определена приблизительно так: 1) проблемные статьи, 2) исследования по вопросам материальной культуры, 3) исследования по вопросам духовной культуры, 4) архивные и музейные сообщения и публикации. Такая структура, по-видимому, вполне отвечает замыслу редакционной коллегии (Ю. В. Бромлей — отв. ред., Н. Н. Грацианская, Б. Г. Гершкович), хотя формально она пока еще четко не определена.

Учитывая характер сборника, автор данной рецензии считает, что целесообразно отказать от последовательного рассмотрения материала. Сначала дается обзор второго, третьего и четвертого отделов; затем автор возвращается к первому отделу, чтобы специально рассмотреть крупные проблемы (решенные или дискуссионные). Это позволяет сравнить постановку проблем в первом отделе с материалами или выводами локальных исследований по соответствующей тематике, которые помещены во втором, третьем и четвертом отделах.

Итак, начнем со второго отдела. Группа статей посвящена проблемам, связанным с карпатским жилищем. В. Фролец (ЧССР) в статье «Западная граница распространения традиционного дома карпатского типа в Чехословакии» указывает на специфические формы этого типа жилища, сохранившего ряд архаичных пережитков, и подчеркивает его особенности, характерные для отдельных областей. Убедительно показано, что в чешских Западных Карпатах (область Моравской Валахии и Тешинской Силезии) проходит самый западный рубеж карпатского типа дома, который здесь имеет некоторые черты, типичные для народной архитектуры земледельческих равнинных областей бассейна р. Моравы.

Изучению типов венгерского жилища и его межэтническим связям в Карпатах посвящена статья А. Филепа (ВНР). Автор относит венгерское традиционное жилище к восточноевропейскому типу с печью, но внутри него выделяет по системе отопления четыре подтипа и прослеживает их в историческом развитии со времен средневековья до конца XIX в.

Т. В. Космина в статье «Общность архитектурно-художественной традиции украинского народного жилища северо-восточных склонов Карпат и Подолья» объясняет складывание этой общности переселениями крестьян, их побегам из-под власти помещиков. В XVI в. в предгорных и горных районах Прикарпатья и затем в XVII—XVIII вв., как указала Т. В. Космина, в Подолье шел поток миграционных волн беглых крестьян (стр. 41). Это справедливо. В статье между тем имеется еще одна дата переселения крестьян — XIV в. (стр. 40). Однако автор не рассматривает причины этих ранних переселений. Видимо, не только фольварочно-барщинная система и даже не отдельные побег (они всегда бывали), а совсем другие события вызывали к жизни эту миграционную волну. Речь идет о грандиозных монголо-татарских погромах, и следовательно, не только о XIV в., но и о XIII в. Что же касается главной задачи, поставленной Т. В. Косминой, то ее решение формулируется следующим образом: «...Исторически обусловленная общность архитектурных традиций народного жилища северо-восточных склонов украинских Карпат и Подолья определила в известной степени избирательность в усвоении современных методов и приемов, которые, обогащаясь приемами, характерными для других районов Украины, приобретают общенациональные признаки» (стр. 45).

К рассмотренным выше статьям о жилище примыкают еще две: Т. И. Кишук — «Предметы декоративно-прикладного искусства в народном жилище Закарпатья» и П. М. Федаки — «Некоторые вопросы строительства украинских музеев под открытым небом (по материалам закарпатского скансена)». Т. И. Кишук поставила перед этнографами важную задачу — «изучить и научно охарактеризовать эволюцию локальных разновидностей и внутреннего убранства народного жилища Закарпатья» (стр. 50). Статья П. М. Федаки может стать началом дискуссии по вопросу о характере строительства скансена.

Четыре статьи посвящены одежде населения Карпат. В них по существу публикуются полевые материалы. Две статьи — Е. Матейко «Локальные особенности одежды гуцулов конца XIX — начала XX в.» и И. Карпинец «Кептари украинского населения Карпат» — характеризуют одежду, функционирующую в условиях высокогорья. Новый материал об этнических и локальных особенностях в одежде Карпат содержится в статьях Е. В. Полянской «О сходстве и взаимовлиянии различных этнических групп Закарпатья» и В. С. Зеленчука «Костюм румынского населения Закарпатской области УССР».

Ценный материал содержит статья Н. А. Демченко «Пахотные орудия румынского населения украинских Карпат в XIX — начале XX в.». Очень интересные новые документы помещены в статьях Ю. Ф. Лашука «Народная керамика украинских Карпат» и Н. И. Моздыра «Деревянная скульптура украинских Карпат», которые, согласно нашей

классификации, также входят во второй отдел. Статья Н. И. Моздыра является как бы значимым большим исследованием или серией статей. К сожалению, отсутствие иллюстраций подчас затрудняет понимание мыслей автора. Следует отметить, что выводы Н. И. Моздыра совпадают с некоторыми выводами моего небольшого сообщения в журнале «Советская этнография»<sup>2</sup>. Вполне отвечает моим размышлениям заключение статьи, в котором автор утверждает, что народная скульптура в Карпатах имеет свои исконные традиции (стр. 91). Живое и ярко написанные, насыщенные интересными деталями, статьи Т. Гонтаря «Народная пища бойков в конце XIX — начале XX в.» и А. Бодника «Народная техника и терминология мукомольного домашнего промысла на Бойковщине» завершают второй раздел.

Переходим к исследованиям вопросов духовной культуры, составляющим третий раздел. В статье Л. Н. Виноградовой «Сравнительный анализ славянских колядных песен карпатского региона (украинские колядки и польские коленды)» была поставлена и удачно решена задача восстановления разрушенных частей прежней польской колядной обрядовой системы с помощью богатого украинского колядного материала в районах Карпат. Статьи Н. Н. Веледской «Рудименты язычества в похоронных играх карпатских горцев» и Ю. П. Поповича «Обряды с плугом у восточнороманских народов» так или иначе касаются проблем этногенеза славян и восточных романцев. Рассматриваемые обряды были распространены еще в глубокой древности, до выступления славян и восточных романцев на исторической арене. В обеих статьях содержатся ценные наблюдения, а некоторые их выводы являются вкладом в решение больших вопросов о месте древнего субстрата славянского населения в ходе этногенеза.

К третьему разделу относятся также статьи об инструментальной пастушеской музыке: Э. Штокмана (ГДР) — «Изображение труда в инструментальной музыке пастухов» и Ф. Д. Климчука — «О полесском варианте одной карпато-полеской изопрагмы (карпатская трембита — полесская труба)». Э. Штокман, собрав в последние годы значительную часть инструментального пастушеского репертуара, связанного с процессом труда и различными бытовыми ситуациями, характерными для пастухов в Румынии, Албании, Турции, на Украине, показал, что этот вид трудовой музыки «принадлежит к тому жанру изобразительной („программной“) музыки, исполняемой на одном инструменте, которая была известна уже в античной Греции и существует сегодня не только в Восточной и Юго-Восточной Европе, но также на Ближнем Востоке и в Африке. Древнее происхождение этой музыки не вызывает сомнения» (стр. 133).

Как бы продолжая мысль Э. Штокмана, Ф. Д. Климчук приводит новые наблюдения и новые материалы. Его выводы о том, что трудовая пастушеская музыка, как и система пастушеского хозяйства, у славян, видимо, восходит к глубокой древности, подтверждают и мои заключения, которые я сделал на основании письменных источников (античных и средневековых). Я указывал, что не историки и археологи, а лишь этнографы могли бы дать реконструкцию пастушеского хозяйства славян в древности<sup>3</sup>. Новые работы подтверждают правильность моего заключения.

Переходом от третьего к четвертому отделу в рецензируемом сборнике является статья о трудах Я. Ф. Головацкого по вопросам украинского фольклора (Л. Н. Климкова — «Вопросы народной культуры и обрядового фольклора украинцев Карпат в трудах Я. Ф. Головацкого»). В четвертом отделе помещены две статьи, в основе которых лежат документальные источники (П. Арсенич — «Этнографическое изучение Гуцульщины народными учителями (1900—1917 гг.)» и Г. В. Довженко — «Записи фольклора Карпат в трудах Отдела рукописей Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского»).

Вне рамок второго, третьего и четвертого отделов остаются две статьи: Г. П. Клепиковой — «Функционирование и генезис пастушеской терминологии в славянских говорах карпатского ареала (на украинском диалектном материале)» и А. Палади-Ковача (ВНР) — «Украинское население северо-восточной части Венгрии в XVIII—XIX вв.». Однако, поскольку в них поднимаются вопросы общего характера, они рассматриваются вместе со статьями первого отдела.

К первому отделу относятся четыре статьи: Ю. В. Бромлей и Н. Н. Грацианской — «Проблемы этнографического изучения культурной общности населения Карпат», С. Б. Бернштейна — «Взаимодействие языков Карпато-Дунайского ареала», Э. А. Рикмана — «О романизации населения Карпато-Дунайских областей в первой половине I тысячелетия н. э.» и В. Л. Гошовского — «Роль мелогографии в ареально-комплексных исследованиях Карпат». Правда, работа В. Л. Гошовского — это лишь тезисы доклада. В ней вместе со статьями Э. Штокмана и Ф. Д. Климчука как бы представлено комплексное направление в этнографии — мелогография в районе Карпат. Поэтому статья В. Л. Гошовского отнесена к первому отделу.

Начнем со статьи Ю. В. Бромлей и Н. Н. Грацианской, в которой развиваются положения статьи, помещенной в журнале «Советское славяноведение»<sup>4</sup>. Отталкиваясь от

<sup>2</sup> В. Д. Королук. К вопросу об изучении русского народного изобразительного искусства. — «Сов. этнография», 1971, № 3.

<sup>3</sup> В. Д. Королук. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (Славяне и волюхи в VI — середине VII в.). — «Советское славяноведение», 1976, № 6, с. 43—54.

<sup>4</sup> Ю. В. Бромлей, Н. Н. Грацианская. Этнографические аспекты карпатоведения (в связи с работой Международной комиссии карпатской культуры). — «Советское славяноведение», 1973, № 6.

фундаментальных этногеографических исследований (М. Г. Левин, И. Н. Чебоксаров), авторы сделали попытку обобщений по самым кардинальным вопросам карпатоведения. Поставив проблему изучения хозяйственно-культурных типов в ареале Карпат, Ю. В. Бромлей и Н. Н. Грацианская прежде всего рассмотрели земледелие, а затем перешли к пастушеству на Карпатах, причем главное внимание в статье уделяется определению роли отгонно-пастушеского скотоводства периодов развитого и позднего феодализма. «...Несомненно, особенно важную роль в формировании культурной общности интересующего нас региона,— пишут авторы,— сыграло отгонно-пастушеское скотоводство, генетически связанное с так называемой колонизацией Карпат на „валашском праве“» (стр. 9). Далее показана большая роль «валашской колонизации» во всем Карпатском регионе до самых западных его областей в XV—XVII в. «Валашская колонизация» оценивается одновременно как инструмент политики крупных феодальных землевладельцев, заинтересованных в освоении пустовавших ранее земель (стр. 9, 10).

В статье Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской имеются новые наблюдения, которые позволяют историкам сделать интересные выводы. Правда, о роли пастушества в Карпатах в древности говорится мало. Но оно, разумеется, существовало, хотя авторы отметили овцеводство только в прикарпатских областях (стр. 11). В рецензируемом сборнике опубликованы, как уже говорилось, статьи Э. Штокмана и Ф. Д. Климчука, Е. Матейко, И. Карпинец, касающиеся материальной и духовной культуры пастухов. Концентрация всех этих материалов в рамках одного сборника позволяет говорить о фактическом начале комплексного изучения развития славянского пастушества в Карпатах и в древности и в средневековье. Пастушество и земледелие были распространены в древности во всем Карпатском регионе. Однако с течением времени земледелие либо начинает оттеснять пастушество, либо, вовлекая его в орбиту земледельческого хозяйства, подчиняет пастушество себе, превращая его в подсобную отрасль в общей системе хозяйства. Кочевничество в Карпатском регионе постепенно стало оттесняться на задний план земледелием. Однако в отличие от пастушества кочевничество было полностью уничтожено. Это совпало во времени с развитием городов в Карпато-Дунайском бассейне в период раннего и развитого феодализма. К сожалению, в статье Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской кочевничество в Карпатском регионе не рассматривается. Зато в ней анализируется пастушеский тип хозяйства у коренного населения в периоды развитого и позднего феодализма. Хотелось бы лишь отметить, что уже в период развитого феодализма земледелие подчинило пастушество. Вовлечению славянского пастушества в орбиту земледелия способствовали крупные феодальные поместья и города в районах украинских и западнославянских Карпат. Следующий этап социально-экономического развития — конец развитого, позднего феодализма — приходится на период «валашской колонизации», хорошо охарактеризованной в статье Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской.

Не затрагивая поднятые в статье вопросы о судьбе волохов (валахов) в районе Восточных Карпат и прилегающих областей (Задунавье), тем более, что этот вопрос дискуссионный<sup>5</sup>, хотелось бы остановиться на некоторых теоретических положениях исследования Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской.

Изучая историко-этнографическую область, в данном случае Карпатский регион, авторы подчеркнули, что одна историко-этногеографическая область, как правило, не покрывается одним хозяйственно-культурным типом. Напротив, несколько культурно-хозяйственных типов входят в историко-этнографическую область. Такие области формируются в ходе культурной интерференции соседних народов в результате длительных периодов их общения. «Одно из основных отличий этнографических и этнических общностей как раз и состоит в том, что последние обладают четким самосознанием. Иначе говоря, этнической общностью, или этносом, на наш взгляд, является лишь та совокупность людей, обладающих общей устойчивой культурой, которая имеет единое самосознание и самоназвание» (стр. 8). Следовательно, не культурно-хозяйственный тип, не материальная культура в локальных вариантах, а именно самосознание и самоназвание являются главным признаком этноса. Тезис — важный, ключевой, с которым я вполне согласен.

Большая группа статей в «Карпатском сборнике» (авторы — В. Фролец, А. Филеп, Т. В. Космина, Т. И. Кишук, Н. А. Демченко, Е. Матейко, И. Карпинец, Ю. Ф. Лашук) содержит материал, подтверждающий основные положения статьи Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской, в которой сформулирован основной вывод, вытекающий из совокупности комплексных исследований Карпатского региона: «... Этнические общности — явление иерархичное. В результате один и тот же человек может одновременно находиться в составе нескольких этнических общностей разного таксономического уров-

<sup>5</sup> Та часть статьи, где идет речь о судьбе волохов, видимо, была сокращена авторами. Круг вопросов дискуссии оказался неполным. Между тем в литературе дискуссия продолжалась, появились новые наблюдения и гипотезы. В своей статье я предложил собственное решение: контакты и конфронтация славян с волохами произошли на территории Дунайского бассейна в VI — начале VII в. н. э. (см. В. Д. Королюк. Перемещение славян в Подунавье..., с. 52—54). И. А. Рафаилович выдвинул другое предположение, что романизированные гето-даки — отгонные скотоводы остались на землях Карпато-Дунайского региона после эвакуации римских легионов. См. «История народного хозяйства Молдавской ССР», т. I. Кишинев, 1976, с. 36, 37.

ня... Притом на разных этапах этнической истории эта иерархичность не остается неизменной: например, в отдельные моменты утраты общеславянского самосознания славяне представляли собой не этническую, а лингвистическую, точнее, лингво-этнографическую общность. В ходе этнической консолидации нередко исчезает низшее этническое подразделение, так называемая этническая, или этнографическая группа» (стр. 8, 9).

Статья Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской является первым этапом обобщения больших комплексных многолетних исследований по проблематике этнических процессов на всех уровнях в Карпатском регионе.

Статьи и сообщения во втором, третьем и четвертом отделах тяготеют к проблемам, уже поставленным в статье Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской. В своей рецензии я отмечал те локальные материалы, которые продолжили и развили темы и выводы статьи. Думаю, что сообщение А. Палади-Ковача об украинцах Венгрии также связано с общей комплексной проблемой статьи.

К обобщаемому разделу сборника можно отнести также статью С. Б. Бернштейна. Она проблемная и постановочная, причем статья эта прямо адресована карпатоведом. В ней ставится вопрос о необходимости комплексного исследования в карпатоведении.

Кроме того, С. Б. Бернштейн специально сделал акцент на очень важной для историков и этнографов проблеме фракийского и кельтского субстратов во многих языках Карпатского ареала. Он считает, что в течение длительного времени основным населением провинции Норик являлись кельты, которые в первые века новой эры испытали глубокое воздействие римской цивилизации и латинского языка. Именно здесь римляне проводили политику интенсивной урбанизации, в результате которой все местное кельтское население было романизировано (стр. 17). Выводы С. Б. Бернштейна позволяют принять по существу процесс глоттогенеза кельтов в Норике, причем механизм его вполне ясен. Механизм глоттогенеза бесспорно имел большое значение в развитии романизации Карпато-Дунайского региона.

Излагать доклад-тезисы В. Л. Гошовского, видимо, нет нужды (тезисы кратки). Однако хотелось бы отметить свежую мысль автора. Вот она: «Музыкальный язык сохраняет свои специфически национальные черты и тогда, когда данная этническая группа, создавшая этот язык, полностью ассимилировалась в иной этнической среде» (стр. 125, 126).

Наконец, последняя в первом разделе статья Э. А. Рикмана представляет собой опыт размышлений о проблемах крупных этногенетических процессов в древности. По данным письменных источников, эпиграфики, археологических исследований, автор попытался выявить центры романизации населения в Карпато-Дунайском регионе. В результате Э. А. Рикман пришел к следующему выводу: «Как и Паннония, Нижняя Мезия была романизирована больше, чем Дакия» (стр. 29). Думаю, что в данном случае с этим положением можно согласиться. Затем автор обратил внимание главным образом на уровень романизации в Нижней Мезии. Подчеркивая факт незавершенности романизации Нижней Мезии (и Паннонии), он определил следующим образом картину ее развития: «Романизация распространялась из основных римских центров с запада на восток (в Паннонию.— В. К.) и с юга на север (Нижняя Мезия.— В. К.)» (стр. 31).

Поскольку в статье речь идет о Нижней Мезии, я должен остановиться на вопросе о том, в какой мере Нижняя Мезия могла играть роль главного очага романизации в Карпатском регионе в последующее время. В Нижней Мезии, помимо латинского языка, использовался фракийский, что признает и Э. А. Рикман. Причем фракийский язык сохранялся здесь еще до VI в. (см. статью С. Б. Бернштейна — стр. 18). Следовательно, процесс романизации фраков в Римской империи не был завершен, а с уходом римлян он прекратился. Сам механизм глоттогенеза и этногенеза не вполне ясен. Это во-первых. Во-вторых, именно в Мезии в результате переселения славян и подъема Первого Болгарского царства появился главный очаг развития славянской болгарской народности, что, по моему мнению, не только не могло помочь романизации, а наоборот, способствовало прекращению процесса романизации. Итак, выводы Э. А. Рикмана представляются мне спорными. Однако его статья является поисковой, а поиск очень важен во всех больших исследованиях.

Второй выпуск «Карпатского сборника» — крупный ценный труд, представляющий комплексное и целенаправленное исследование, основанное на свежих документах. Связь между статьями и сообщениями очень крепка и очевидна, хотя в оглавлении структура сборника еще не выявлена. Я вполне уверен, что в следующем, третьем, сборнике уже будет достигнуто полное соответствие между формальной структурой и проблемно-тематическим характером включенных в сборник материалов. И, кроме того, я вполне уверен, что в третьем и следующих выпусках сборника помимо лингвистических будут представлены археологические, исторические, ономастические и подобные исследования. Все эти комплексные исследования должны быть ориентированы на изучение этнической истории, а листаж сборника целесообразно увеличить.

В. Д. Королук: